

Эго-документы
как источники по изучению психологии
участников Первой мировой войны
(на примере архива семьи Смоляков)

В статье проанализированы ранее не публиковавшиеся дневник и переписка из документального комплекса семьи Смоляков, хранящегося в Государственном историческом музее. На основе этих материалов производится попытка реконструкции личности участника Первой мировой войны, его морально-этического облика, поведения в экстремальных ситуациях, отношения к жизни и смерти. Также затрагиваются особенности внутрисемейных отношений в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, дневники, переписка, психология комбатанта, семейный архив, эго-источники.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится документальный комплекс семьи Смоляков, потомственных государственных и военных служащих, включающий в себя свидетельства трех поколений: дед – Гордей Афанасьевич Смоляк (1796–1863), отец – Александр Гордеевич Смоляк (1838–1916) и три сына: старший – Всеволод Александрович (1882 г. р.), средний – Евгений Александрович (1885 г. р.) и младший – Александр Александрович (1886 г. р.). Всеволод и Александр погибли на фронтах Первой мировой войны в 1915 г. Евгений, тоже участник Первой мировой, скончался в разгар Гражданской войны в 1919 г. Комплекс был передан в дар Историческому музею четвертым братом – Смоляком Борисом Александровичем – в 1960 г.

От Всеволода и Александра сохранилось только несколько писем к Борису. А от Евгения, помимо писем – личные документы, включая послужной список, и личный дневник. Дневник представляет собой маленькую офицерскую книжку донесений со вложенными

в нее двумя небольшими блокнотными блоками. Текст написан бирюзовым почерком и местами сложно поддается считыванию. Борис Александрович переписал его разборчиво в отдельные тетради, снабдив текст краткими комментариями, но некоторые умышленные сокращения и исправления не позволяют в полной мере использовать список наравне с первоисточником. Дневниковые записи по тексту адресованы жене Евгения Александровича Ольге Юльяновне. Будучи участником Восточно-Прусской, Варшавской и Лодзинской операций, освещает события со 2 августа по 18 декабря 1914 г.¹ В послании к жене автор отмечает: «Пишу их [дневниковые записи] урывками... Пользуюсь только десятиминутными перерывами во время похода...»². Но при этом записи делались почти ежедневно, события почти всех дней расписаны по часам, указывались населенные пункты, расстояния переходов. Все происходящее описано в красках и с вниманием к мельчайшим деталям.

Евгений Александрович Смоляк родился 23 октября 1885 г. Окончил 5 классов Гродненской мужской классической гимназии. В сентябре 1904 г. поступил вольноопределяющимся в 101-й пехотный Пермский полк. В октябре того же года зачислен в учебный комитет. В мае–июне 1905 г. произведен в ефрейторы, а в августе поступает в Виленское пехотное юнкерское училище. По окончании училища в июне 1908 г. произведен в подпоручики и направлен в 102-й пехотный Вятский полк. Первую мировую встречает в звании поручика в пулеметной команде того же полка в составе 26-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса. Был дважды контужен в боях под фольварком Рухно в ноябре 1914 г. В декабре 1914 г. назначен начальником пулеметной команды. В сентябре 1915 г. – штабс-капитан, в сентябре 1916 г. – капитан. В августе 1917 г. переведен на службу в 52-ю пехотную запасную бригаду. Войну заканчивает в звании подполковника. Был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Владимира 4-й степени³. В декабре 1917 г. приезжает в Воронеж, куда была эвакуирована его жена. Работал вначале приказчиком в книжном магазине, затем слесарем в мастерских Юго-Восточных железных дорог, потом устроился в сапожную мастерскую. В конце 1918 г. вступает в ряды Красной армии на должность заместителя начальника снабжения 12-й стрелковой дивизии 8-й армии. Но в 1919 г. во время одной из командировок в Екатеринославскую губернию заболел сыпным тифом и спустя несколько дней умер⁴. Борис Александрович вспоминает своего брата Евгения как человека с золотыми руками, который применял свое мастерство в пулеметной команде и был незаменимым работником⁵.

За последние годы о повседневной жизни человека на войне издано немало публикаций. Особенное место среди них занимают работы Е.С. Сенявской. Разрабатывая тему военной повседневности, она концентрирует свое внимание на психологии участников войны. Говоря о жизни человека на войне, заостряет внимание на пограничных ситуациях (бытие на грани жизни и смерти), сменяющих друг друга и переходящих в состояние постоянного фактора⁶.

Читая страницы дневника Евгения Александровича Смоляка, можно реконструировать его психологию как участника глобального военного конфликта. Будучи кадровым офицером, даже в период военных действий сохранял в себе мягкость характера, тем самым адаптация к пограничным ситуациям у него проходила довольно-таки болезненно, он глубоко переживает как свои страдания, так и страдания других людей, в особенности гражданского населения и беженцев. Видно, что человек он был замкнутый и многие впечатления, сокровенные мысли и душевные переживания Е.А. Смоляк доверял только своим записям. В дневнике встречаются строки, описывающие отношение автора к своему тексту, видно большое внутреннее напряжение при мысли о том, что кто-то посторонний сможет прочитать его записи. «9 часов вечера – из канцелярии пришло приказание вр[еменного] команд[ующего] полком Стефанского – завтра к 9 часам утра представить в штаб полка “оконченные полевые книжки, свои личные книжки со всевозможными заметками о войне и вообще все то, что касается войны по 31 октября [1914 г.] включительно”. Полевых книжек у меня нет, так как ни разу я еще не посылал донесений, а что касается своих личных заметок, то не увидит их никто, кроме тебя, Оля. Не для полка писал я их. А копаться в моей душе посторонним – не позволю»⁷. Далее, через два дня пишет: «Сегодня появилось новое приказание Стефанского о полевых книжках, личных записках, впечатлениях и т. д. – хранить их впредь до особого распоряжения. Что касается меня, то я, конечно, буду хранить их, но только для себя»⁸.

В дневнике множество раз говорится об ужасах войны, постоянно фиксируются мысли о необходимости скорейшего мира, при отсутствии актуальной прессы в тексте воспроизводятся слухи о мирных договоренностях сторон. О положении на фронте узнавали из обрывистых телеграмм или из несвежих газет. Автора дневника удивляет такая информированность войск, и он жалуется на негативное влияние слухов на нижние чины: «Войска не могут питаться иллюзиями, а между тем, благодаря тому, что позавчера пришли газеты за 3, 4, 5, 6 августа [а запись в дневнике от 22 августа] и контрабандой за 16, то естественно всюду бродила масса слухов, возбуждающих людей»⁹.

В записях с 26 по 28 августа 1914 г. рассказывается об исключительном по силе бое у Тиргартена, когда немецкая артиллерия громила окопы с русскими солдатами. Наша артиллерия с недостаточной дальностью боя не могла дать должного отпора. Евгений Александрович раскрывает свое внутреннее состояние в данной экстремальной ситуации: «Не скажу, чтобы в данную минуту только видя перед собой разрывы неприятельских снарядов, я испытывал чувство страха... Но видя перед собой в нескольких местах пожары, ясно слыша громовую канонаду в такой ясный солнечный день, как сегодня, невольно встает передо мной старый наболевший вопрос: зачем эта проклятая война, кому нужна человеческая кровь, когда всем хватит места под солнцем»¹⁰. Иногда автора накрывает апатия: «Бывают целые часы теперь, когда становишься равнодушным к тому, жить мне или не жить»¹¹. Многие его сослуживцы и подчиненные старались абстрагироваться от окружающей действительности: общались на свободные темы, рассказывали анекдоты. Смоляк же все больше замыкался в своих мыслях, не понимал легкомысленного отношения к жизни: «Как могут жить они так, не зная, что ждет их впереди? Чувствую, что спокойствие духа как бы вновь покидает меня»¹². Автор обращает внимание на поведение военнослужащих в период артиллерийского обстрела в первом бою, принятом 102-м Вятским полком, на то, как тяжелые боевые условия меняли поведение людей, заставляли их замолкать и уповать на Бога: «...в окопе почти тихо, совсем не слышно обычной солдатской ругани, только местами идет между людьми вполголоса разговор. Видно по всему, что только теперь люди начинают понимать, когда по их взглядам были просто маневры, и когда началась война. Я видел людей, сидящих в окопе с молитвенниками»¹³. Выжить в начале войны Евгений Александрович и не надеялся, о чем красочно говорит рукописная календарная таблица на форзаце дневника за июль–сентябрь 1914 г. с перечеркнутыми днями и заголовком: «Когда жизнь оборвется?»¹⁴.

Отношение к чужой смерти у Смоляка нетипичны для строевого офицера. Во время Лодзинской операции 7 ноября 1914 г. 103-й Петрозаводский полк принял бой под деревней Злаков-Борова и понес серьезные потери. Впечатлительный автор сообщает: «...недалеко от придорожного креста лежал навзничь убитый офицер 103 полка – одна из многих жертв вчерашнего несчастного боя. Эх, Олечка! Если бы ты видела его окровавленного под одиноким крестом, где этот несчастный нашел свое последнее убежище... Трудно из-за сплошной раны на лице разобрать, куда он ранен – широкая струя запекшейся крови прошла через левый глаз, лоб и волосы, залив ворот шинели. Под левой же мышкой сразу бросается в гла-

за продранная шинель с запекшимися от крови краями. Какой-то подлец не пощадил мертвеца и стащил с него сапоги. Посиневшие пальцы ног и уши производят жуткое впечатление»¹⁵. Далее в этот же день пишет: «При обратном движении через деревню Злаков-Борова я забежал посмотреть на трупы убитых во вчерашнем бою. Всего их было перед деревней человек восемь, из них наших шесть, а за деревней лежало всего трупов двадцать. Как спокойны у всех лица, но как страшно окровавлены, точно окунули их в кровавую ванну. Почти у всех разбиты головы и залиты кровью так, что ничего нельзя узнать»¹⁶. Но как видно, даже у такого эмоционального человека происходит постепенное привыкание к жертвам войны, уходит художественное описание. Как, например, при нападении немцев на его пулеметную позицию у деревни Домарадзин: «Это стоило мне двух убитых и трех раненых рядовых»¹⁷, или после боя у фольварка Рухно: «Сегодня у меня убит один, ранено три нижних чина, в третьем батальоне 16 человек, а вчера 1 убит, 10 ранено»¹⁸.

Автор сравнивает свое ощущение времени до войны и во время войны: «В обыкновенное время вероятно эти месяцы прошли бы, не оставив о себе особых воспоминаний. ...Но тут почти каждый час переживаешь так, как не будешь никогда переживать»¹⁹.

В описании боев под Злаков-Борова прослеживается одна из стержневых идей дневника – критика повального воровства и мародерства военнослужащими Русской императорской армии: «Но что за мерзавцы наши, именно наши солдаты. Все трупы за исключением одного, ограблены. Сняты сапоги, портянки, с одного даже шаровары сняты»²⁰.

Но первые случаи мародерства начались сразу же после пересечения полком границы Восточной Пруссии 5 августа 1914 г. Красочно описывается эпизод массового расхищения имущества и продуктов питания как рядовыми, так и младшим офицерским составом у немецкого фольварка Янута. «Здесь вполне проявилась низменная натура некоторых солдат. Набросившись на фольварк, хозяин которого немец выехал, а женщины ушли только сегодня утром, солдаты повстречали там оставшегося сторожа, поляка лет 60-ти. Его не тронули, но первым делом пошли кто куда: кто – в сад за яблоками и грушами, кто рыскать по дому, кто по сараям. ...Из дома была вытащена целая партия копченого сала и по распоряжению кап[итана] Мелешко его хотели разделить между ротами, предварительно предоставив сторожу взять столько сала, сколько ему угодно. Сторож взял немного, но потом ему вернули все, так как кап[итан] Мелешко решил резать свиней. Но с приходом подполк[овника] Клочкова все несколько изменило свой оборот

и имущество не было тронуты»²¹. Эти действия никак не подходили под законы о реквизиции, да и с питанием в полку на тот момент было более чем нормально: «Зачем это было сделано – люди и сами не ответили б, так как в это же время пришли кухни и, значит, в еде они не нуждались. Так, просто, надо было хоть немного пограбить»²². Автор, будучи человеком высоких моральных убеждений, никогда не принимал в этом участия и даже за, казалось бы, невинные поступки укорял себя: «и я грешным делом съел несколько яблок и груш»²³. Сравнивает поведение наших военнослужащих с немецкими: «Надо заметить, что когда немцы приходили в наши деревни, то ничего у крестьян не трогали, а жгли только кордоны, то есть то, что принадлежало казне»²⁴.

Читая дневниковые записи начала войны, складывается впечатление, что лишь присвоение чужого имущества, а вовсе не боевой дух, мотивировали войска продвигаться в глубь территории противника. 11 августа «в 10 час. 30 мин. утра наш отряд прошел через г. Арис. Как и следовало ожидать, на каждой улице есть по несколько разгромленных магазинов. И что это за армия! Русское воинство – какая-то разбойничья шайка, – только и занимающаяся грабежами. Противно смотреть на солдат, несущих полные руки сигар и тому подобных вещей»²⁵. Были случаи поимки виновных и расправы над ними: «...тут началось полное избиение грабителей. Били их кулаками, прикладами, ногайками; били так, что в кровь разбивали физиономии и она, разливаясь по полу, смешивалась с конфетами и всякими товарами. После этого всех прогнали; я, признаться, мало удовлетворился этой расправой. Здесь нужно расстрелять или повесить несколько экземпляров, тогда будет тише»²⁶. К 18 августа из штаба корпуса приходит приказ о смертной казни за грабежи: «когда от имени командира полка Ильин запретил брать нижним чином всякую птицу, свиней и т. д., то я подумал: давно пора, это – хорошо. Но когда через несколько минут я зашел в сарай и застал там того же Ильина, Стефанского и Грибанова, кушавших под рюмку водки что-то вроде жареной утки или гуся, и у меня вновь мелькнула мысль: “Это тоже возмутительно: требовать от нижних чинов отказа от куриного супа, а самому со спокойной совестью обедаться дичью на глазах у тех же нижних чинов”»²⁷.

С горькими чувствами Евгений Александрович описывает отступление армии Ренненкампа из Восточной Пруссии 27 августа – 3 сентября 1914 г. Наголову разгромлена была 26-я пехотная дивизия, солдаты попросту разбежались. Автор дневника в этой панике отбил от своего полка, но страх за собственную жизнь превалировал над остальными чувствами: «Ноги мои ныли от нестерпимой

Всеволод (слева) и Евгений (справа) Смоляки,
декабрь 1913 г.

боли, я едва хожу, так как по всей вероятности натер волдыри. ...Я удивляюсь, откуда у меня взялись силы идти с 1 часа 30 минут дня до трех часов ночи без перерыва»²⁸.

Интересно проследить взаимоотношения трех братьев на войне. Из биографий видно, что они шли по стопам друг друга. Из переписки становится ясно, что они крепко дружили семьями, их жены так же по-товарищески поддерживали и помогали деверьям.

Всеволод Александрович Смоляк (родные называли его Володей), как и Евгений Александрович, поступил в Виленское училище, по окончании которого в 1908 г. назначен подпоручиком в 103-й пехотный Петрозаводский полк. С этим полком в чине поручика в 1914 г. он пошел на войну. В ноябре 1914 г. был представлен к орденам Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 4-й степени. 25 февраля 1915 г. был назначен командиром роты, с 13 апреля – временно командующий батальоном. Был убит 2 июня 1915 г. в ночном бою у деревни Подлюбовка Сувалкской губернии.

Александр Александрович Смоляк, учась в Гродненской мужской гимназии, принимал участие в событиях Первой русской революции 1905–1907 гг., примкнув к партии «Бунд». Окончил гимназию в 1907 г. и поступил в Санкт-Петербургский университет на естественный факультет. По окончании университета в 1912 г. пошел на военную службу вольноопределяющимся к брату Всеволоду в 103-й полк, откуда вышел в 1913 г. прапорщиком запаса. Перед войной работал

надзирателем казенных земель 2-го района Харьковской губернии. В августе 1914 г. был призван в 34-й Севский полк. 26 августа был ранен в боях под Львовом. Вернувшись в полк после выздоровления 8 января 1915 г. был назначен командиром 1-й роты, но ввиду непригодности к строевой службе переведен в отделение продовольственного транспорта 10-го армейского корпуса в ранге младшего офицера. 17 апреля 1915 г. при воздушном налете австрийской авиации в городе Ясло в Галиции был тяжело ранен и скончался в этот же день.

Евгений, находясь в одной дивизии со Всеволодом, неоднократно с ним пересекался, о чем свидетельствует в дневнике и в письмах к брату Борису. При встрече у них были долгие разговоры, как могли, помогали и поддерживали друг друга: «До этого увидел Володю и долго говорил с ним. Он находится при офицерской кухне и заведует ротой носильщиков. Он дал мне два куска утки и хлеба. С какой жадностью я съел все это!»²⁹.

С Александром братья не пересекались, но вели активную переписку, о чем сам Александр пишет в письмах к Борису. После ранения он безудержно стремился вернуться в армию, совесть ему не позволяла оставаться безучастным, в то время как Женя и Володя были на передовой. Видно, что он ратовал за то, чтобы воевать бок о бок с ними. Пишет во время лечения из Старобельска 23 ноября 1914 г.: «Если выздоровею, то буду просить перевода в 103-й полк к Володе»³⁰. И уже по дороге в расположение своей части в канун Рождества 1914 г.: «Хотел просить перевода в 103-й полк к Володе, но оказывается, что это сопряжено с такими формальностями, что ожидать благополучного решения не приходится»³¹.

Кончина Александра Александровича, оказавшегося первой жертвой «всемирной бойни» в семье Смоляков, стала серьезным ударом для старших братьев. «Итак, смерть коснулась и нашей семьи, и только теперь можно во всей глубине почувствовать весь ужас переживаемого времени. Значит не даром минутами ко мне в душу закрадывалось дурное предчувствие, так как после получения 25 апреля от Шуры последнего письма – до настоящего от него ничего не получал – срок для его аккуратности в переписке слишком большой»³², – пишет Всеволод незадолго до собственной гибели. Жена Евгения Александровича старалась до последнего держать втайне от мужа смерть его младшего брата. Только в начале 1916 г. он узнает со всеми подробностями об этом: «Бедный Саша! За что умер он мучительной смертью, с оторванными ногами и 40 ранами от бомбы, брошенной с аппарата 17 апреля в Ясло?»³³

Смерть Всеволода Смоляка до конца оставалась неясной. Свидетелей его гибели не было, и у всех оставалась надежда, что он

Александр Александрович Смоляк,
январь 1915 г.

попал в плен. Александр пишет через несколько дней после боя с участием брата: «Так как немцы были близко, то Володю так и не вынесли. Теперь неизвестно, убит он или же тяжело ранен и попал в плен»³⁴. Отсутствие писем от Всеволода, конечно же, объяснялось его гибелью, но последняя надежда еще оставалась. В октябре 1916 г. Борис Александрович направляет запрос о нахождении брата в германском плену через Московский Комитет помощи русским военнопленным и Бюро в Копенгагене. В марте 1917 г. приходит ответ, что среди пленных он не найден³⁵.

Как видно, Борис Смоляк пронес любовь и уважение к героическим подвигам своих братьев через всю жизнь: бережно сохранил память о них, пытался реконструировать их боевой путь. Приведенные в статье источники дают понимание психологии отдельных участников Великой войны, их моральные установки, межчеловеческие и внутрисемейные отношения в условиях постоянного страха за свою жизнь и жизнь близких людей. Проекция чужих судеб на собственное «я», внутриличностный и бытовой дискомфорт, желание скорейшего окончания войны – эти психологические моменты объединяют братьев Смоляков с другими участниками не только Первой мировой войны, но и других войн XX в. «Утомился я в этой непосильной работе и об одном прошу Бога – скорее кончать эту преступную войну. Все равно ничего не будет. А впрочем, что Бог даст», – так заканчивал свое письмо Евгений Александрович Смоляк в январе 1916 г.³⁶

-
- 1 Все даты даны по старому стилю.
 - 2 ОПИ ГИМ. Ф. 426. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 65.
 - 3 Там же. Л. 58 об., 59 об., 63–63об.
 - 4 Там же. Ед. хр. 111. Л. 191об. – 192.
 - 5 Там же. Ед. хр. 110. Л. 21–22.
 - 6 *Сенявская Е.С.* Отношение к жизни и смерти участников Первой мировой войны: очерк фронтовой повседневности // *Былые годы.* 2012. № 3 (25). С. 31.
 - 7 ОПИ ГИМ. Ф. 426. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 82об. – 83.
 - 8 Там же. Л. 84об. – 85.
 - 9 Там же. Ед. хр. 112. Л. 87об.
 - 10 Там же. Л. 89.
 - 11 Там же.
 - 12 Там же. Л. 87.
 - 13 Там же. Ед. хр. 110. Л. 128об. – 129.
 - 14 Там же. Ед. хр. 112. Л. 140а.
 - 15 Там же. Л. 109.
 - 16 Там же.
 - 17 Там же. Л. 112.
 - 18 Там же. Л. 119.
 - 19 Там же. Л. 98.
 - 20 Там же. Л. 109об.
 - 21 Там же. Л. 68.
 - 22 Там же.
 - 23 Там же.
 - 24 Там же.
 - 25 Там же. Л. 74об.
 - 26 Там же. Л. 76об. – 76.
 - 27 Там же. Л. 82–83.
 - 28 Там же. Ед. хр. 110. Л. 138об.
 - 29 Там же. Ед. хр. 112. Л. 93об.
 - 30 Там же. Л. 153.
 - 31 Там же. Л. 154.
 - 32 Там же. Л. 169об. – 170.
 - 33 Там же. Л. 190.
 - 34 Там же. Л. 187об.
 - 35 Там же. Л. 198.
 - 36 Там же. Л. 192.